

Услышав объявление о посадке, Тан Буфань мгновенно вострепнулся. До приземления оставалось ещё немного времени, и он, поддавшись любопытству, подошёл к панорамному окну, чтобы взглянуть на открывающийся вид.

По мере того как летательный аппарат снижался, покидая пределы космоса, за стеклом за клубились облака. Вскоре всё пространство затянуло плотной серой пеленой. Рассеянный, тусклый свет навевал необъяснимую тоску.

Тан Буфань всмотрелся вниз: там, на земле, угадывался колоссальный тёмный силуэт, похожий на исполинское чудовище, затаившееся во мгле. И лишь когда аппарат подлетел ближе, сквозь пелену проступили очертания горного хребта.

Миновав вершину, судно скользнуло дальше. Внизу снова разверзлась пустота, надёжно укрытая влажным саваном.

Именно здесь, в Туманном городе, родился и вырос Лу И.

Лу И стоял рядом.

— Мрачновато, правда? — негромко спросил он.

— Теперь понятно, почему вы с Андерсоном поначалу казались такими бледными, — отозвался Тан Буфань. — Вы ведь почти не видите солнца?

— Пожалуй, — Лу И невольно коснулся щеки.

После месяцев, проведённых в пустыне, его кожа приобрела глубокий бронзовый оттенок. За полгода мирной жизни былая бледность почти вернулась, хотя он всё ещё оставался чуть более смуглым, чем в те дни, когда только покинул родину.

Тан Буфань вновь устремил взор в серое марево. Он не решился признаться Лу И, что здешние пейзажи наводят на него жуть и живо напоминают старые фильмы ужасов.

В этот момент в просторный салон неторопливо вошёл Андерсон. Не утруждая себя приветствиями, он лениво добрёл до угла и опустился в кресло.

Лу И скользнул взглядом по вошедшему, вновь повернулся к окну и тихонько выдохнул:

— Прилетели, Учитель.

Тан Буфань прильнул к стеклу. Сквозь туман действительно проступили приземистые, тёмные

очертания какого-то колоссального строения, но рассмотреть его подробнее он не успел — летательный аппарат промчался мимо.

Скорость стремительно падала, и внизу наконец раскинулось необъятное поместье. С тихим тяжёлым гулом аппарат выпустил посадочные опоры и плавно коснулся земли.

— Пойдёмте, Учитель, — Лу И согнул руку в локте, предлагая спутнику опереться на него.

За прошедшие полгода Тан Буфань внутренне смирился со своим новым положением и больше не испытывал неловкости, беря мужчину под руку. Слегка переведя дух, он обхватил предплечье Лу И, и они направились к выходу.

Секция пола в носовой части плавно опустилась, образовав пологий трап. Андерсон и остальные сопровождавшие их зверолюди безмолвно выстроились позади пары.

Тан Буфань сошёл по трапу, стараясь сохранять на лице вежливую улыбку. Сквозь густую пелену тумана впереди проглядывала группа встречающих. По мере приближения он разглядел двух предводителей: безупречно одетую пожилую даму и крепкого зверолода средних лет, чью грудь украшало множество военных орденов.

Офицеру на вид было лет под шестьдесят. Из-под форменной фуражки выбивались короткие серебристые волосы, а в уголках его умных, стальных глаз залегли глубокие морщинки. Это был Ангус, отец Андерсона.

Стоявшая рядом экономка выглядела старше — ей перевалило за семьдесят. В её аккуратно уложенной причёске пепельно-каштановые пряди мешались с благородной сединой. Преклонный возраст ничуть не согнул её спину: она держалась прямо и величаво, словно белый лебедь, сохраняя неоспоримое изящество ушедшей молодости.

Если бы не строгое платье старшей горничной, Тан Буфань вполне мог принять её за родную бабушку Лу И.

— О, мой дорогой Луи! — старая дама не стала дожидаться, пока они подойдут ближе. Счастливая улыбка озарила её лицо, и она торопливо сделала шаг навстречу, раскрыв объятия для ласкового приветствия.

Разомкнув объятия, пожилая женщина с неподдельным интересом уставилась на Тан Буфania. Тот, повинуясь местному этикету, дружелюбно обнял её в ответ.

— Учитель, познакомьтесь: это Эмма, старшая экономка поместья Смитов. Эмма, это моя супруга, Тан Буфань, — представил их Лу И.

— Тан? — экономка мягко сжала ладони Тан Буфania и с лёгким недоумением взглянула на

молодого хозяина. — Он не взял твою фамилию?

Тан Буфань растерялся. До него только сейчас дошло, что на Западе традиция предписывает супругам принимать фамилию мужа. Он с затаённой тревогой перевёл взгляд на Лу И.

— Эмма, на Востоке не принято менять фамилию после свадьбы. К тому же имя моей жены звучит так поэтично, что было бы преступлением его лишаться, — с улыбкой заступился за него Лу И, а затем с бесконечной нежностью посмотрел на мужа. — Если уж кому-то и менять фамилию, то мне.

Тан Буфань мысленно перевёл дух. Пускай он и смирился со своей «женской» ролью в этой семье, согласиться на смену фамилии было выше его сил.

— Но ведь он вошёл в дом Смитов... — попыталась возразить Эмма, но подошедший Ангус мягко её прервал.

— Оставь, Эмма, на дворе новый век, к чему эти условности? — усмехнулся Ангус. Он крепко обнял Лу И, а затем перевёл взгляд на Андерсона, неподвижно замершего в стороне.

Обменявшись с Тан Буфанем крепким и полным уважения рукопожатием, военачальник подошёл к сыну. Отец и сын не проронили ни слова — они просто крепко, по-мужски обнялись.

Глаза Андерсона слегка заблестели. Посмотрев отцу в глаза, он молча отступил назад и занял своё место позади Тан Буфани.

— Андерсон, неужели даже не поздороваяешься со мной? — Эмма строго вскинула брови.

Молодой человек, явно побаивавшийся грозной экономки, неловко пробормотал:

— Рад встрече, Эмма. Давно не виделись.

Пожилая дама важно фыркнула и с нескрываемым одобрением окинула взглядом утончённого, статного Тан Буфани, после чего вложила его ладонь в руку Лу И.

— Идёмте. Твой отец и брат уже ждут в обеденном зале, — позвала их Эмма.

Ангус и Андерсон остались на площадке. Тан Буфань, шагая под руку с Лу И, оглянулся назад: из шлюза показался Брен. Офицеры и высшие зверолюди сразу же сгруппировались вместе, вполголоса обсуждая дела и передачу рапортов.

Тан Буфань отвернулся и поспешил за степенно шагающей экономкой.

Посадочная площадка располагалась на просторном внутреннем газоне усадьбы, на приличном расстоянии от главного особняка. Заботясь о положении Тан Буфаня, к самому краю поля подали три роскошных автомобиля. У дверей застыли безупречно одетые лакеи, готовые распахнуть дверцы.

Несмотря на строгую выучку и профессиональную невозмутимость слуг, Тан Буфань кожей чувствовал их любопытные взгляды. Все они украдкой разглядывали своего нового господина.

Тан Буфань и Лу И устроились на заднем сиденье головной машины, Эмма села в следующую. Лимузины бесшумно тронулись с места и скрылись в густом тумане, плавно катя по широкой подъездной аллее.

Ещё с воздуха Тан Буфань заметил масштабы владений Смитов, но теперь, проезжая мимо гигантского ухоженного сада и живописного частного озера, он окончательно потерял представление о границах этого поместья.

Неудивительно, что в своё время традиционная усадьба семьи Го показалась Лу И тесноватой.

Спустя четверть часа сквозь пелену проступили величественные контуры старинного замка. Любопытно придвинувшись к стеклу, Тан Буфань разглядывал классический образец европейской готической архитектуры: четырёхэтажное центральное крыло венчали две уходящие в небо дозорные башни.

Он заворожённо смотрел на эти каменные шпили. Мать Лу И покончила с собой, шагнув в пустоту... Должно быть, именно оттуда, с высоты этих башен.

На ум против воли пришла старая сказка о несчастной принцессе, заточённой в неприступной цитадели.

— Учитель, моя комната вон там, на третьем этаже, в самом углу, — с мальчишеской радостью пояснил Лу И, указывая направление. — Там огромное эркерное окно, из которого виден пруд. В редкие солнечные дни там просто чудесно.

Водитель, уловив непривычное обращение молодого хозяина к супругу, удивлённо зыркнул на них в зеркало заднего вида.

Машина остановилась у парадного входа. У дверей ровными шеренгами выстроились слуги: мужчины по одну сторону, женщины — по другую. Тан Буфань за все полгода жизни у семейства Го ни разу не сталкивался с подобным церемониалом.

В двадцать первом веке в Европе ещё сохранялись монаршие династии, и, возможно, именно это наследие сделало уклад в поместье Смитов куда более консервативным и строгим, нежели в усадьбе Го.

Лакей услужливо распахнул дверцу, выпуская гостей наружу. Следом из второго лимузина поспешно вышла Эмма. Торжественно объявив притихшей прислуге, что перед ними — новая хозяйка поместья, пожилая женщина увлекла Тан Буфаня внутрь замка.

Заставлять его запоминать имена прямо сейчас она не стала — слуг было слишком много, и Тан Буфань попросту запутался бы.

— В самом доме прислуги сейчас шестьдесят семь человек, не считая тех, кто ухаживает за угодьями и садом снаружи — их я и сама всех не упомяну, — на ходу поясняла Эмма. — Помимо меня здесь служат ещё три мажордома. Вам, госпожа, достаточно знать лишь нас четверых. После обеда я обязательно представлю их вам.

— Да, конечно. Спасибо, — вежливо отозвался Тан Буфань.

На душе у него было беспокойно. Выросший в самой обычной семье, он чувствовал себя неуютно в тисках этого удушающего аристократического великолепия.

Его личный идеал семейного уюта был бесконечно далёк от происходящего: Тан Буфань всегда мечтал о скромном доме, любимой жене и парочке ребятишек.

Почувствовав, как напрягся и поник спутник, Лу И ласково накрыл его ладонь своей, успокаивающе поглаживая пальцы.

Они вошли в длинную галерею. По обеим сторонам коридора выстроились старинные портреты в тяжёлых рамах. Слева красовались рослые, плечистые мужчины, справа — их супруги, образуя гармоничные пары со своими избранниками.

Тан Буфань немного оживился. Без лишних слов было ясно, что на картинах изображены поколения предков Лу И.

Родоначальник клана, первый зверолов в семье Смитов, предстал на холсте крепко сбитым мужчиной европейской внешности с окладистой бородой — черты его лица были правильными, но суровыми. Рядом с ним покоился портрет его прелестной супруги. На следующем холсте красовался их сын: черты лица унаследовавшего власть наследника стали более тонкими и благородными, а его избранница ничуть не уступала свекрови в красоте.

Рассматривая портрет за портретом, Тан Буфань поражался триумфу геной инженерии. На последней паре холстов были изображены утончённый, красивый мужчина лет тридцати и золотоволосая женщина с изумрудными глазами.

Родители Лу И. В облике женщины Тан Буфань безошибочно узнал покойную Анну: Лу И унаследовал её золотистые кудри и разрез глаз, разве что взгляд молодого человека казался глубже, а один из зрачков отливал чистым золотом.

А вот облик Ханса... Тан Буфань с недоумением разглядывал благообразного, бледного юношу на картине. Быть может, художник изрядно приукрасил действительность, но с холста на зрителя смотрел на удивление кроткий и благородный человек, чья мягкая аура неуловимо напоминала врождённое добродушие Лу И.

Однако за этим фасадом скрывался безжалостный кукловод, который сначала довёл собственную жену до сумасшествия, а после хладнокровно упрятал сына лучшего друга в психиатрическую лечебницу.

— Мой отец совсем не такой, как на этом холсте, — тихо произнёс Лу И, заметив пристальный взгляд спутника. — Он никогда не отличался мягкостью.

— В молодости ваш батюшка был именно таким, — не оборачиваясь, отозвалась шагающая впереди Эмма, и между её бровей пролегла складка. — Это госпожа Анна сделала его другим.

Было очевидно, что старая экономка недолюбливала покойную хозяйку. Судя по её возрасту, она нянчила Ханса с пелёнок и теперь горячо защищала своего воспитанника:

— Если самый преданный человек раз за разом бьётся о ледяную стену безразличия своей половины на протяжении долгих лет, даже святой разучится улыбаться.

— Но ведь мама пошла на этот союз против своей воли, — глухо возразил Лу И.

— Мой дорогой Луи, пойми: если бы не твой отец, твою мать всё равно отдали бы другому высокопоставленному зверолюду. В худшем случае её ждало бы пожизненное заключение в одиночной камере, — Эмма остановилась и строго посмотрела на юношу. — Ты теперь и сам обзавёлся супругом. Поставь себя на место своего отца и подумай.

Тан Буфань молча посмотрел на Лу И. Лицо учителя оставалось невозмутимым, но в груди у юноши болезненно заныло: он слишком живо вспомнил те дни, когда Тан Буфань отчаянно и непреклонно отвергал его ухаживания.

— Учитель... Учитель никогда так со мной не поступит, — обиженно пролепетал Лу И, теснее прижимаясь к плечу Тан Буфани.

— В таком случае тебе несказанно повезло, — заключила Эмма, после чего с мягким извинением обратилась к Тан Буфани: — Простите, госпожа, что утомляю вас нашими семейными дразгами.

— Всё в порядке, — ласково улыбнулся Тан Буфань. — Лу И ничего от меня не скрывает.

— Вот как? — пожилая женщина заметно повеселела. — Отрадно видеть такую искренность и доверие между вами и молодым хозяином.

На этом портретная галерея обрывалась: имя следующего главы рода Смит ещё не было определено законом. Миновав анфиладу, они вышли в колоссальный вестибюль первого этажа.

Огромный зал тонул в лёгком полумраке, а наползающий снаружи туман размывал очертания дальних дверей и арок. Подняв голову, Тан Буфань увидел парящую под высоким сводом грандиозную хрустальную люстру, которая, вопреки царящей на улице хмурости, сияла мириадами искр.

Обеденная зала располагалась по правую руку. Тяжёлые резные створки дверей были распахнуты настежь, а у входа замерла безмолвная прислуга.

Там, за порогом, их ждали отец, старший брат и невестка Лу И.

Тан Буфань весь вечер настраивал себя на эту встречу, но сейчас его сердце всё равно предательски забилося чаще. К счастью, тепло державшего его за руку Лу И помогло унять внезапно накативший трепет.

Эмма почтительно расступилась, пропуская пару вперёд. Лу И ободряюще пожал ладонь супруга и уверенно шагнул в залу.

<http://bllate.org/book/19039/2003770>